

Девятый князь благополучно вернул Юлана в резиденцию и наконец смог перевести дух. С этим мелким проказником он ещё мог справиться, когда тот устраивал беспорядки дома, но если бы он натворил дел во дворце — войти туда было бы легко, а вот выбраться наружу оказалось бы куда сложнее.

Вернувшись домой, оба они совершенно потеряли сон, забрались на раскидистое дерево, обнявшись, любовались луной и проказались всю ночь. На беду, едва забрезжил рассвет, в дверь постучал управляющий Чэнь Бо.

Девятый князь спал крепким сном, прижимая к себе Юлана, и, внезапно разбуженный, недовольно буркнул и бросил на Чэнь Бо свирепый взгляд.

Чэнь Бо и сам понимал, что прервал сладкий сон хозяина, и с испуганным лицом принялся оправдывать свои действия:

— Не смей раб тревожить сон господина! Но в Резиденции киданей произошло страшное ЧП, это письмо доставили только что, и раб никак не смел медлить...

Не успел он договорить, как Девятый князь уже соскочил с кровати, на лету выхватил письмо из рук Чэнь Бо, сорвал печать и пробежал глазами строки. Лицо его мгновенно переменилось, он нахмурился и рявкнул:

— Коней! Живо седлайте коней, я еду во дворец!

Увидев его выражение лица, Чэнь Бо почувствовал, как сердце ухнуло вниз: он понял, что стряслось нечто из ряда вон выходящее. Прослужив в княжеской резиденции всю жизнь, старик отличался особой осторожностью и робостью. Хоть он и не знал подробностей, его лоб уже покрылся холодным потом, и он поспешно выскочил наружу, торопливо отдавая приказ готовить коней.

Вскоре скакуны были готовы. Девятый князь наскоро переоделся в парадные одежды. От утренней сонливости не осталось и следа — он выглядел бодрым и собранным. Перед самым выходом он резко замер на месте, быстрым шагом вернулся назад, склонился над кроватью и нежно поцеловал своё сокровище.

Накануне князь напоил Юлана парочкой чарток, так что тот всё ещё крепко спал, а на его щеках играл здоровый румянец.

— Как Юлан проснётся, передай ему, что я уехал во дворец. Сегодня важные дела, боюсь, к ужину вернуться не успею.

Девятый князь широким, торопливым шагом направился к парадному входу. На крыльце он на ходу перехватил плащ, поданный слугами, и напутствовал следовавшего по пятам Чэнь Бо:

— Ему будет скучно сидеть в резиденции одному, придумай что-нибудь, чтобы его развлечь.

Бросив эти слова, он вскочил в седло и умчался.

Поднимая тучи пыли и безжалостно погоняя коня хлыстом, князь доскакал до дворцовых ворот, соскочил с лошади и швырнул хлыст следовавшим позади стражникам. Будучи родным братом Императора, он обладал правом беспрепятственного прохода во дворец в любое время. Поскольку час утреннего доклада ещё не наступил, Император находился либо в покоях, либо в кабинете. Посомневавшись немного и вспомнив, что вчера его Второму брату нездоровилось и он, должно быть, ещё спит, Девятый князь уже собирался заглянуть к нему в опочивальню, как вдруг поднял голову и увидел Сяо Фуцзы.

— Ваше Высочество, Девятый князь! — Сяо Фуцзы стремглав подбежал к нему, запыхавшись, и, завидев князя, словно обрёл спасение, тяжело вздохнул: — Ох, я как раз собирался отправить людей за Вашим Высочеством! Ой-ёй-ёй, беда! Его Величество в страшном гневе, умоляю, отправляйтесь скорее усмирить государя!

Девятый князь удивился:

— Неужели Император уже знает о происшествии в Резиденции киданей?

Сяо Фуцзы растерянно моргнул:

— Какое ещё происшествие в Резиденции киданей?

— А из-за чего же он тогда свирепствует?

— Откуда рабу знать? — Сяо Фуцзы вытер со лба холодный пот и заговорил фальцетом: — Никогда прежде не видел Его Величество таким разъяренным! Вчера вечером, когда ложился спать, он был еще вполне спокоен, только лицо бледновато — говорил, что устал. Кто же знал, что сегодня утром он встанет с совершенно позеленевшим лицом, словно кто-то смертельно его обидел?

Ведя князя впереди, он торопливо и жалобно шептал дальше:

— А потом, когда пришли в кабинет, Император внезапно приказал созвать всех стражников, дежуривших прошлой ночью у Павильона Юнтань, и велел бить их палками перед самым крыльцом...

Пока он говорил, перед ними показался Императорский кабинет. Не смея больше болтать, Сяо Фуцзы привел князя к дверям и на цыпочках удалился.

Из внутреннего двора доносились непрекращающиеся крики и вопли — там действительно расправлялись со стражниками. Тяжелые железные палки, которыми пользовались только в императорском дворце, взмывали вверх и опускались вниз, избивая надменных и горделивых дворцовых стражей так, что те орали на все лады, словно резанные свиньи.

Казнь исполняли такие же стражники. Их командир стоял неподалеку, наблюдая за процессом с мрачным и перекошенным лицом. Завидев Девятого князя, он поспешно подошел, отвесил поклон и жалобно взмолился:

— Ваше Высочество, замолвите за них словечко перед Его Величеством! Все они люди из моего подчинения, вчера они несли службу у Павильона Юнтань. Ума не приложу, где они оплошали и чем прогневали Императора. Провинились — надо наказывать, но пусть хоть назовут причину! Получать такие побои в полном неведении — сердце кровью обливается смотреть на это.

Девятый князь сочувственно хмыкнул, бросил взгляд на сумрачный интерьер кабинета, где сквозь полумрак мало что было разобрать, и понизил голос:

— Император сильно разгневан? Из-за чего вдруг такая вспышка ярости?

— Кто же знает? — командир стражи скривил скорбную гримасу. — Слышал лишь, что вчера вечером государь принимал некоего Цуй Жушана. Но тот не в моем подчинении, да и расспрашивать я не смел. А нынче с самого утра...

Небо еще не до конца посветлело, окутанное серой пеленой.

Девятый князь переступил порог кабинета. Глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к полумраку. Оглядевшись, он заметил Императора: тот молча стоял у стены, запрокинув голову и словно любясь висевшими там картинами и каллиграфией.

Князь почтительно поклонился государыне, подошел ближе и мягко произвел:

— Берегите глаза, Ваше Величество, на улице еще темно, разглядывание свитков утомляет дух. Почему эти слуги до сих пор не зажгли свечи?

— Я сам велел им не зажигать огня, — голос Императора звучал хрипло, словно он провел без сна всю ночь. — Воспользовавшись тем, что рассвет еще не наступил, я хотел побыть в тишине и темноте.

Возможно, на душе у него и вправду тяжелым грузом лежали тревоги: в мрачном кабинете прямая, как струна, спина государя неизменно излучала ощущение невыносимой, непосильной ноши.

Девятый князь невольно умолк.

Прежде этот Второй брат отличался сдержанностью и рассудительностью, а после восшествия на престол научился еще надежнее прятать любые эмоции — будь то радость, гнев, печаль или веселье. Любимец покойного императора с самого рождения, он во всем следовал кодексу будущего правителя, неукоснительно соблюдая правила. И хотя жизнь его казалась венцом величия, если подумать, в этом была своя глубокая, горькая доля одиночества.

Два брата стояли в кабинете: один запрокинув голову делал вид, что изучает неразличимые в темноте картины, другой опустил взгляд, погруженный в раздумья. Снаружи доносились непрекращающиеся удары палок и отчаянные вопли. Поразмыслив немного, Девятый князь решил нарушить тишину:

— Ваше Величество, те стражники оступились, и наказание заслуженно. Но не будете ли вы столь милостивы объявить их вину, чтобы впредь они знали, в чем исправляться?

В чем вина?

Лицо Императора в темноте судорожно исказилось.

События прошлой ночи в Павильоне Юнтань снова всплыли в памяти, потревоженные этим вопросом.

Эти тупоголовые свиньи! Клялись в верности и преданности трону, а сами торчали снаружи словно деревянные гуси! Если бы хоть один из них оказался сообразительнее, заметил неладное, когда Цан Нуо впервые вышел во двор, и заглянул внутрь, проявив заботу о государе, ему, Сыну Неба, не пришлось бы...

Хотя перед ним стоял самый близкий Девятый младший брат, вымолвить эти слова было невозможно. Лицо Императора позеленело, он до боли стиснул зубы и лишь спустя долгое время глухо бросил:

— Ты явился с самого утра. Зачем?

— Да, у меня важное дело.

Именно ради этого Девятый князь и примчался сюда. Вытащив из рукава послание, он с серьезным видом произвел:

— Ваше Величество, прошлой ночью кто-то совершил нападение на Резиденцию киданей.

— Мм.

Ответ прозвучал ровно — ни уму, ни сердцу, невозможно было понять истинный смысл.

Девятый князь остолбенел.

Столица — важнейшее сердце империи, подножие трона! Нападение на резиденцию иностранных послов — какое потрясающее воображение происшествие! К тому же речь шла не о какой-то захудалой стране: нападению подверглись кидани, этот варварский народ, который ныне набрал такую силу, что только и ждет повода для ссоры. Почему же реакция Императора столь холодна?

Когда речь заходила о государственных делах, Девятый князь не смел проявлять легкомыслие. Сделав шаг вперед, он спросил:

— Ваше Величество, в этом деле сплошная чертовщина. Нужно разобраться немедленно, иначе позже беды не миновать.

Император по-прежнему стоял на прежнем месте, рассеянно разглядывая живопись на стене. В серой мгле горы и реки на свитке словно размывались, обретая жутковатую, зловещую живость под невероятно легкими и тонкими мазками кисти.

— Чертовщина? Скажи-ка, в чем же она заключается? — спиной к Девятому князю холодно бросил Император.

— Налицо несколько великих подозрений. Во-первых, это сердце империи, охраняемое бесчисленными войсками — да какой бандюга из цзянху осмелится здесь бесчинствовать? Во-вторых, если дело в грабеже, чем поживиться в Резиденции киданей? Это обитель иностранных послов, охраняемая армией, да и все дань-подарки давно доставлены во дворец, поживы там никакой. С какой стати нападать на них? В-третьих, если совершено нападение, почему посольство киданей не доложило во дворец немедленно? Почему лишь с наступлением рассвета гарнизонные дозорные соизволили прислать депешу?.. — Девятый князь рассуждал вслух, излагая накопившиеся подозрения, и лицо его мрачнело. — Я думаю и так, и эдак, и мне кажется, что киданьские послы сами устроили этот спектакль. Второй брат, скажи, не затем ли киданьский правитель направил это посольство, чтобы раздуть смуту и развязать войну? А нападение — дело их собственных рук?

За последние два года он активно участвовал в государственных делах, научился мыслить масштабно и всесторонне, и в таком предположении определенно был свой резон.

Однако Император холодно обронил:

— Ты напрасно наговариваешь на них. Это дело моих рук. Ха, этот никчемный раб Цуй Жушан хвастался, будто он мастер боевых искусств номер один, а в итоге, совершив налет на крошечную Резиденцию киданей, понес потери да еще сам получил ранение! Хватило же у него наглости явиться ко мне на глаза!

Бабах!

Девятый князь почувствовал себя так, будто его треснули по голове тяжелым предметом, и оцепенел от изумления.

Кидани сейчас напоминали готового к прыжку льва, чья ярость и сила не находили выхода — они только и ждали повода с кем-нибудь сцепиться.

Напасть на Резиденцию киданей — это ведь не детские игрушки! Император всегда отличался проницательностью и взвешенностью решений, с чего вдруг он отдал столь безумный приказ?

— Это Император отдал приказ... — ошеломленно глядя на государя, выдохнул он. — Зачем?

— Потому что их принц... — Император внезапно взревел, но на полуслове замолк, словно кто-то перекрыл ему горло. Его изящное лицо побагровело, и лишь спустя долгое время он сдавленно продолжил: — ...проявил неуважение перед лицом монарха.

Глубоко вздохнув, Император добавил:

— Сначала я опасался киданьской военной мощи и надеялся разрешить всё тихо. Но они, похоже, и впрямь обладают силой, раз даже Цуй Жушан не смог прикончить этого Цан Нуо. Какой-то ничтожный варварский принц вообразил себя пупом земли, думая, что я не управлюсь с ним? Что ж, я покажу ему, что такое власть Сына Неба.

Император резко развернулся, заложив руки за спину, и зловеще процедил:

— Я только что приказал императорской гвардии окружить Резиденцию киданей и схватить Цан Нуо. Раз уж он ни в грош не ставит Цуй Жушана, я не поверю, что у него хватит наглости пренебречь армией Небесной Династии.

Услышав это, пропитанное яростью и злобой заявление, от которого словно покалывало иглами, Девятый князь похолодел. Варвар Цан Нуо и впрямь оказался силен — оставалось только гадать, что именно он сотворил, раз умудрился так разъярить Второго брата.

Но речь шла о судьбе государства, и попытаться отговорить монарха было необходимо.

— Умерьте гнев, Ваше Величество! Проявил неуважение перед престолом — достаточно заставить принца Цан Нуо принести извинения, зачем же прибегать к такому? Ладно бы речь шла о какой-то мелкой стране, но кидани...

— Кидани сейчас на пике военной мощи, поэтому трогать их нельзя, верно?

Едкий вопрос Императора заставил Девятого князя умолкнуть.

Император холодно усмехнулся:

— Неужели я сам этого не понимаю, чтобы ты меня учил?

Глядя на понуро стоящего перед ним младшего брата, он не чувствовал ни малейшего облегчения.

Поимка Цан Нуо позволила выпустить накопившуюся в сердце злобу, но вот как разбираться с последствиями — от этой мысли начинала болеть голова.

Каждое слово Девятого брата было продиктовано заботой об интересах государства: нынешних киданей и задобрить-то страшно, куда уж их дразнить?!

Будь армия Небесной Династии несокрушимо сильна, он, истинный Сын Неба, единым указом стер бы этого бесстыдного ублюдка с лица земли — зачем тогда понадобилось прибегать к грязным методам ночного нападения?

А если из-за этого действительно вспыхнет пламя войны, погибнут невинные люди, реками польется кровь...

— Ваше Величество? — Девятый князь поднял голову, пристально вглядываясь в лицо Второго брата, и глухо произнес: — Младший брат не ведает, что именно совершил принц Цан Нуо, выказав неуважение пред троном. Но какими бы ни были его проступки, сейчас... сейчас его категорически нельзя арестовывать.

Император долго молчал, а затем тяжело вздохнул.

— Ты не знаешь... — государь медленно шагнул к креслу, остановился, и голос его заметно смягчился. — Боль в моем сердце никому не понять. Цуй Жушан сбежал раненым, и эта буря внутри меня...

Сегодня на рассвете я издал несколько указов подряд: послал войска к резиденции, велел высечь стражников и еще...

Кресло в кабинете предназначалось исключительно для него самого. Сиденье было покрыто мягкой светло-желтой подушкой, которая в сумеречном свете выглядела величественно и роскошно. Император легко провел ладонью по гладкой спинке, холодно усмехаясь, обнажая ровные ряды красивых белых зубов, словно раковины каури:

— Этот указ я подписал еще до твоего прихода во дворец. К этой минуте Цан Нуо наверняка уже схвачен, а может, его ведут сюда. Я говорю тебе прямо: хотя киданей и трудно усмирить, этого негодяя я не прощу. Ступай, переговори с министрами — если уж суждено развязать войну, Небесная Династия не обязательно проиграет. А ты... ступай и повозись с той обезьяной в своей резиденции.

Всех вчерашних обидчиков, оступившихся, тех, чьи лица казались ему неприятными, он не собирался щадить.

Девятый князь слово за словом впитывал услышанное. Мысли его лихорадочно метались вокруг грядущей войны между киданями и Небесной Династией, его снедала тревога из-за слепой ярости Императора. Он лихорадочно соображал, как бы умиротворить государя, какими доводами заставить его трезво и беспристрастно пересмотреть отношения между двумя державами, как вдруг услышал последнюю фразу императора. Сердце у него бешено колотилось, в груди зародилось смутное, тревожное подозрение.

Небо постепенно белело, молочный рассвет проникал сквозь окна, отражаясь легкой, непостижимо-острой усмешкой на губах Императора.

— Это ради тебя. Другого я бы давно приказал казнить.

Тут Девятый князь наконец осознал всё до конца. Словно пронзенный кинжалом в самое больное место, он подскочил на месте, издал короткий вопль и вихрем бросился к выходу.

<http://bllate.org/book/21146/2144231>